

***В**СЕ ЭТИ ТРУПЫ она водила за собой для антуража. По равнине, раскинувшись на многие мили вокруг, за ней волочилась длинная безобразная ткань из сморщенной плоти и костей. Те, у кого не было ступней и ног, для передвижения пользовались руками и локтями; у лишенных ртов и языков стон вырывался из самого горла. Подходили еще зеваки, хватались за растянувшийся шлейф, и уже вскоре я не мог понять, где кончается ее платье, а где начинаются они.*

– Страх, – заметив на моем лице отвращение, весело пояснила она. – Увидев свою судьбу в этих разложившихся лицах, люди перестанут воевать.

Я не стал с ней спорить и окончательно сдался, когда солдаты, послушавшись приказов своих командиров, разбежались, лишь бы не видеть этих ужасов.

С тех пор как мы вступили в Даанорис, она опустошала каждую могилу, что попадалась нам на пути, ни один надгробный камень не остался нетронутым. Покинув море Черепов, она только увеличила свою силу. Каждый воскрешенный ею дэв высасывал из нее столько жизни, что к последнему она сама едва не стала трупом. И все равно с относительной легкостью поднимала из могил этих жалких упырей.

Насколько я помнил, аша достигает своего предела, воскрешая пять или шесть мертвецов. Даже самые сильные Костяные ведьмы не могли выдержать более дюжины в лучшем случае. Я понимал, что бесконечная сила этой девушки крылась в ее сердце, черном как самая темная ночь, тогда как у обычной аши оно светилось серебром.

Такое неуважение к невинным умершим людям приводило меня в ужас, и я умолял ее не тревожить их покой. Но на мои мольбы она отвечала стихом.

– Мертвым не нужен покой, – говорила она, – только живые думают, что смерть дарует умиротворение.

Поднимать такую армию мертвецов было незачем, и она это знала. Одних дэвов было бы достаточно, чтобы уничтожить все королевства. Семь необычайно послушных чудовищ, один ужаснее другого, шествовали рядом со своей хозяйкой. В былые времена они славились своей жестокостью, могли без труда проглотить целые армии. И тем не менее за всю дорогу до Даанориса ни разу не обратили внимания на убегающих от них мужчин и женщин. Проявляя невиданное милосердие, создания просто двигались дальше.

Людской страх был мне понятен. Я столько ночей провел в окружении этих демонов и всякий раз, разбивая лагерь, гадал, увижу ли рассвет. Успокаивало лишь присутствие Искателя смерти, лорда Калена, не более живого, чем толпа трупов, следующих за его возлюбленной. Но у него, как и у меня, вздымалась и опадала грудь, на лице не было видно ни капли мертвенной бледности, а в пронизатель-

ных карих глазах светилась жизнь, и только отсутствие дыхания говорило об обратном.

– Пусть они бегут, – однажды ночью тихо сказал он. – Со временем ты все поймешь.

– Поведайте мне ее замысел, – потребовал я у него. – Она обещала рассказать свою историю. Так зачем держать меня в неведении?

– Чтобы ты постепенно переборол свой страх, – ответил он и посмотрел на дэвов, ревящих где-то в темноте со своей хозяйкой. – Привык к одному злу, прежде чем мы познакомим тебя с другим.

Его слова наполнили меня дурным предчувствием. Что же такого намеревалась сделать аша в столице Даанориса?

Я наблюдал за ними: некромантом и ее фамильяром. Замечал ее быстрые взгляды, брошенные тайком в его сторону, когда он, как ей казалось, не замечает этого.

– Я неприятен тебе? – не отводя глаз от котра, спросил он. – Я так сильно изменился?

– Нисколько, – тихо ответила она.

– Как ты смогла меня воскресить? Ведь серебряное сердце...

– Я не воскрешала. – Она опустила взгляд. Ее руки дрожали. – Меня... меня настолько переполняла Тьма. Я чувствовала себя такой могущественной, что могла остановить солнце. Так оно и произошло.

Тогда он опустился перед ней на колени и обхватил ее личико в форме сердца своими большими ладонями.

– Ты злишься на меня? – Впервые я увидел ее страх. – Обижен, что я вернула тебя в этот хаос?

– Я пообещал тебе с последним вздохом, покаялся своей кровью и твоим сердцем в моих руках вылезти из могилы и убить каждого, кто встанет между нами, – с этими словами он склонился к ней и впился губами в ее губы.

Она с жадностью приникла к нему в поцелуе, лаская руками его шею. Он крепче прижал ее к себе, будто этих объятий всегда будет мало. Я отвернулся.

На следующий день, когда мы двинулись дальше, на шее Костяной ведьмы красовались слабые отметины, а глаза ярко блестели. У Искателя смерти повреждений заметно не было, только устремленный на нее взгляд, который всякий раз наполнялся нежностью.

Вскоре перед нами предстала столица Даанориса, Сантянь. Я оценил ее высокие стены и укрепленные башни. Рассмотрел подрагивающие факелы размещенных в них гарнизонов солдат. Даже издали был виден их нарастающий – выше поднятых знамен – страх.

Фамильяр потянулся к девушке и обвил руками. Расслабившись, Темная аша прильнула к нему – она редко показывала свою ранимость.

– Даанорийцы так просто не сдадутся, Тия, – сказал лорд Кален.

– Это неважно. Их врата все равно падут. Сегодня передохнем здесь, а завтра начнем наступление. У них будет время увести женщин и детей, а также завершить все свои дела.

– Еще не поздно. Мы можем уйти – куда угодно. Они нас не найдут.

На миг я разглядел в ее глазах сильное желание поддаться искушению, которое вызвали его слова.

– Ты же знаешь, что они точно так же будут поступать со всеми Костяными ведьмами. Это никогда не закончится.

Искатель смерти наклонился к ней, их лбы соприкоснулись.

– Тогда мы будем сражаться.

Девушка обернулась к своей преданной свите мертвецов.

– Спасибо вам, – тихо произнесла она, как если бы рассказывала ребенку сказку на ночь. – А пока поспите.

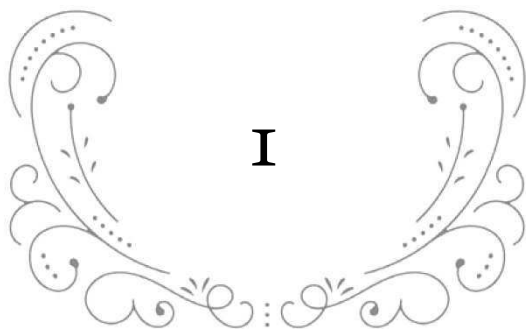
Мертвые дружно вздохнули – этот пугающий звук сорвался с уст ближайшего упыря, ухватившегося за подол ее платья, и эхом пролетел до самого последнего покойника на много миль позади.

А после они все разом рухнули. Как вода просочились в землю, которая поглотила их без остатка. Орда из тысячи трупов обратилась в маленькую кучку. Дэвы разразились прощальным воем.

Аша опустилась у поваленного бревна, сгребая в кучу камни. Искатель смерти взмахнул рукой, и на месте груды камней вспыхнул огонь. Она жестом пригласила меня присесть рядом с ними, я повиновался.

– Ты должна рассказать мне, что было дальше, – попросил я, зная, что это далеко не конец истории.

– Да. – Она задумчиво смотрела на костер, языки пламени пробивались из-под камней. А потом как ни в чем не бывало произнесла: – Мне кажется, неприятности снова начались тогда, когда я попыталась воскресить короля из мертвых.

«**Н**Е ТАКОЙ УЖ ОН И ЖУТКИЙ, — убеждала я себя, глядя на искореженное разложившееся тело перед собой. — Я подчиню его себе. Сломлю его волю. Удивительно, что Микки в нем нашла».

Уже не первый раз я обманывала себя таким образом. Как и не первый раз поднимала короля Ванора из могилы. Мне казалось, что, повторяя эту мантру сотню раз, я смогу наконец поверить в эти слова.

Мертвый король отказывался смотреть на меня и глядел куда-то вдаль. Королевские усыпальницы строили так, чтобы внушать страх и благоговение тому, кто сюда спускается. Но я уже привыкла к спокойным каменным лицам, безмолвно взирающим на меня с высоты. Однако всякий раз затянувшееся молчание короля Ванора меня раздражало — и даже больше, чем мне хотелось бы.

— Один мудрый философ сказал, — раздался из темноты протяжный голос Фокса, — повторение одних и тех же действий в надежде получить другой результат — признак глупости.

— Я для чего тебя взяла?

— Ну, один мудрый философ сказал...

— Заткнись. — Брату даже не нужно было говорить, что мое предприятие безнадежно. Множество Темных аш, гораздо опытнее меня, предпринимали подобные попытки. Но я должна была сделать хоть что-то.

— Ты явно сегодня не в духе. Снова Кален отчитал на тренировке?

— Если тебе здесь не нравится, почему бы не пойти в город и не пофлиртовать с какими-нибудь дамами?

— Не в Ода... — Он осекся. — Тебя это не касается. Может, уже закончим?

Я снова повернулась к мертвецу.

— Где ты спрятал сердце Микаэлы?

Ответа не последовало. Исполинские статуи, охраняющие катакомбы, ответят быстрее, чем этот мерзкий король.

— Отвечай! Что ты сделал с ее сердцем? Где ты спрятал его? Почему ты так ее ненавидишь? — Головная боль усилилась. В ответ на злобу где-то в глубине моего сознания заметалась тень. Перед мысленным взором предстала зеленая мутная вода, а после видение исчезло.

Я сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Боль ослабла, и, как только я взяла себя в руки, тень отступила.

— Зря теряем время. — Фокс сложил руки на груди. Казалось, мой брат находится в самом расцвете сил, хотя и был не живее королевского отпрыска перед нами.

На этом их сходство заканчивалось; телу Ванора, дабы сойти за человека, не помешало бы больше кожи и сухожилий. Но это уже я постаралась. Воскрешая его первые несколько раз, я действовала со всем почтением и изо всех сил стремилась сделать его тело таким, каким оно было при жизни.

Сейчас же наградила количеством мышц и плоти, достаточным лишь для того, чтобы шевелить челюстью.

— Он не будет говорить, Тия. Ты это знаешь, я это знаю, и он явно это знает.

— Я заставлю его говорить.

Много лет назад моя сестра-аша влюбилась в это жалкое подобие короля. В обмен на ее безоглядную преданность он забрал у нее сердце и спрятал так, что никто не может его найти.

С тех пор минуло более десяти лет, и теперь Микаэла умирает. Она больше не может вернуться в Кион. Ее здоровье ухудшилось настолько, что она вынуждена держаться как можно ближе к своему сердцу, погребенному где-то здесь в Одалии, в городе Нив. Быть Костяной ведьмой очень непросто; удивительно, как она вообще продержалась так долго.

Я схватила короля за то, что осталось от его плеч, и дернула на себя. От него разлило смертью и упрямством.

— Отвечай! — Мой голос эхом отскочил от колонн. — Неужели ты ни капельки ее не любил?

Или ты настолько мелочный, что позволишь ей страдать весь остаток жизни? Она умирает. Какую обиду ты затаил на нее, что так сильно ее ненавидишь?

— Тия.

Я замерла. Фокс тоже.

О своих еженедельных походах в королевские усыпальницы я никому не сообщала. Даже своей подруге Полер, которая, узнай обо всем, тут же надрала бы мне уши, а госпожа Пармина обрекла бы на пожизненную чистку туалетов. В мою тайну был посвящен только Фокс, который, несмотря на опасения, согласился держать ее при себе. И меньше всего мне хотелось, чтобы узнала Микаэла.

За последние несколько лет, с тех пор как сестра взяла меня под свою опеку, она стремительно постарела. В золотистых волосах прибавилось седины, а на лице появились морщинки. Спина немного ссутулилась, словно под тяжестью невидимой ноши. И куда бы она ни шла, везде опиралась на палку, не доверяя собственным ногам.

— Микаэла, — пролепетала я, — тебя же не должно быть здесь.

— То же самое я могу сказать о тебе, — ответила она, не сводя с короля Ванора взгляда, полного страдания. Тот с серьезным видом, без тени стыда или вины, взирал на нее, и во мне снова закипела злость. Сколько же раз моей сестре-аше приходилось воскрешать этого короля, только чтобы встретиться с его отказом открыть рот?

Я уже подняла палец, собираясь нарисовать руну, которая вернула бы Ванора обратно в царство мертвых, как Микаэла вскинула руку.